

Легоева Елена Владимировна

Магистрант

Направление: Юриспруденция

Магистерская программа: Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

Соотношение вины с иными признаками субъективной стороны преступления

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы соотношения вины и иных признаков субъективной стороны преступления. Автор не согласен с точкой зрения о том что «субъективная сторона» и «вина» – понятия тождественные и оба включают в себя всю психическую деятельность, связанную с совершением конкретного преступления. Разделение вины, мотивов и целей позволяет определить психологическое содержание каждого из признаков и дать их юридическую характеристику, то есть оно вызвано объективными потребностями теории уголовного права. Соответственно, не следует отказываться от признания их самостоятельными признаками субъективной стороны.

Ключевые слова: вина, умысел, неосторожность, преступление, закон, состав преступления, субъективная сторона, мотив преступления.

Некоторые ученые (в основном процессуалисты) придерживаются мнения, что «субъективная сторона» и «вина» – понятия тождественные и оба включают в себя всю психическую деятельность, связанную с совершением конкретного преступления. Обосновывалось это обычно следующим образом: «Законодатель, не включая мотив, цель и эмоции в определение форм вины, исходит из того, что эти компоненты психической деятельности всегда присущи любому человеческому поведению, в том числе и преступному» [1, с. 11].

П.С. Дагель, в чьих работах данная концепция получила наибольшее развитие, утверждал, что, «поскольку вина есть психическое отношение субъекта, выраженное в определенном преступлении, содержанием вины является совокупность психических элементов (сознания, воли, эмоции, мотива, цели), составляющих это психическое отношение» [2, с. 70]. Он различал субъективную сторону как элемент состава (форма) и реальную субъективную сторону (содержание), то есть умысел и неосторожность, выраженные в совершенном преступлении на основе определенных мотивов и целей. По сути, им предлагались три группы обстоятельств, которые должны быть познаны при доказывании вины. Первые две охватывают признаки умысла и неосторожности, перечисленные в статьях Общей части Уголовного кодекса (интеллектуальные и волевой моменты). Третья же включает в себя как обязательные признаки (мотив и цель, в том числе в неосторожных преступлениях), так и дополнительные, определяемые конкретным составом преступления (эмоциональное состояние, заведомость и т. д.). Только в совокупности, по мнению П.С. Дагеля, они характеризуют психическое отношение субъекта к содеянному, а потому составляют содержание реальной вины (субъективной стороны) [2, с. 26].

Наиболее резко такой подход критиковал А.И. Рарог. Он утверждал, что, «несмотря на кажущуюся обоснованность, эта позиция недостаточно убедительна в теоретическом отношении и неприемлема – в практическом» [3, с. 79]. отождествление вины с субъективной стороной преступления: не соответствует законодательному определению вины; размывает понятие вины как в плане ее юридической характеристики, так и в плане ее психологического содержания; не определяет конкретного места мотива и цели в вине; недопустимо отрывает форму вины от содержания; неосновательно включает в содержание вины такие психологические категории, как мотив, цель, аффект, заведомость, эмоции, которые не являются элементами психического отношения виновного к преступному деянию.

Господствующим в современной отечественной науке уголовного права является подход, согласно которому вина – это обязательный в любом составе, но лишь один из ряда признаков субъективной стороны преступления, к которым также относятся мотив, цель и иногда эмоции. Последние признаются независимыми факультативными признаками, обязательными для установления лишь в некоторых составах преступлений. И здесь следует отметить следующее.

Во-первых, за исключением побуждений, мотивов, а также целей и иногда эмоций, остальные психологические признаки, которые можно выделить в тексте уголовного закона, редко упоминаются в научной литературе, а тем более, рассматриваются как составляющие субъективной стороны. При этом следует отметить, что «побуждения» входят в предмет интереса теории уголовного права как синоним «мотивов». Но это некорректно, так как в современной психологии побуждения – чувства и потребности, которые не могут быть положительными или отрицательными, предшествуют формированию мотива. Мотив же является предпосылкой определенного решения и его обоснования.

Следует возразить и относительно того, что эмоции, аффект и заведомость не входят в содержание субъективной стороны, а являются, соответственно, признаками, характеризующими личность виновного (эмоции, аффект), и особым техническим приемом, применяемым для характеристики субъективной стороны преступления (заведомость).

Эмоциональные процессы актуальны для определения возрастной вменяемости и в этом смысле, действительно, являются скорее характеристикой субъекта. С определенной долей условности тоже можно сказать и о присущих конкретному человеку эмоциях, определяющих его как гневного или доброжелательного. Однако динамично развивающиеся, выраженные в одном конкретном акте поведения эмоции, а тем более, аффект, мало характеризуют именно личность преступника, поскольку могут быть и не свойственны его обычному поведению. Накладывая определенную окраску на

интеллектуальные и волевые процессы, протекающие в психике виновного, они становятся признаком именно субъективной стороны преступления. Хотя здесь можно отметить, что «между субъектом преступления и виной существует неразрывная связь. И одно, и другое понятия носят субъективно-объективный характер. Обязательные признаки субъекта преступления, так же как и обязательные составляющие вины, с одной стороны, характеризуют внутренние сознательно-волевые качества человека, совершающего общественно опасное деяние, с другой – подлежат обязательной социально-правовой оценке со стороны общества и государства» [5, с. 134].

Что же касается заведомости, то разделение психологических характеристик на признаки и технические приемы – характеристики субъективной стороны представляется искусственным. Достоверное (заведомое) знание субъекта преступления о наличии тех или иных обстоятельств общепризнанно имеет значение для квалификации преступления по субъективным признакам. И хотя, безусловно, это технический прием, но использование любого термина в тексте уголовного закона может быть охарактеризовано как технический прием. С этой точки зрения, признание заведомости характеристикой субъективной стороны также может восприниматься и как отнесение ее к числу признаков последней. Сказанное применимо к неожиданности и добровольности, которые, на наш взгляд, совершенно неосновательно исключены из числа признаков состава преступления.

Во-вторых, с криминологической точки зрения, определить вину лица невозможно без знания его мотивов или целей – детерминант преступного поведения. В ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса РФ, говорящей о предмете доказывания по уголовному делу, виновность связывается не только с формой вины, но и с мотивами: «При производстве по уголовному делу подлежат доказыванию: ...2) виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы».

В-третьих, в современной теории уголовного права авторы все чаще указывают на тесную связь мотивов, целей и вины. Так, А.И. Рарог, категорически отрицающий обязательность установления последних в любом, особенно неосторожном, преступлении, признает, что «всякое сознательное поведение является мотивированным и целенаправленным» [4, с. 106], а «мотив и цель – это признаки субъективной стороны преступления, неразрывно связанные с виной».

С.А. Манойлова подчеркивает, что «общепризнанная градация признаков субъективной стороны на обязательные (основные) и факультативные... не должна трактоваться как основание для восприятия не закрепленных в законодательной “формуле” субъективной стороны конкретного преступления признаков как второстепенных» [6, с. 11].

А вот Е.А. Симонова считает, что в содержание преступной вины «входят не только упречные психические процессы, протекающие в сознательно-волевой сфере конкретного лица, совершающего преступление, но и вызываемые их общественно опасные мотивы и цели поведения» [7, с. 398].

Действительно, при совершении не только умышленных, но даже некоторых неосторожных преступлений мотивы и цели поведения могут иметь решающее значение для привлечения к уголовной ответственности. Например, по-разному будет квалифицироваться неосторожное причинение смерти, если лицо стреляет через дверь при защите от посягательства или с целью напугать шумящих соседей.

В любом случае мотивы и цели являются теми звеньями в цепи построения обвинения, установление которых может существенно повлиять на уголовную ответственность и размер наказания: «В субъективном смысле мотив лишь основание для принятия решения действующим лицом, осознанная (или неосознанная) причина его поступка. В объективном же значении (смысле) мотив оценивается обществом как доброе или злое побуждение, как благородное или порицаемое намерение» [8, с. 52].

На основании рассмотренного материала можно сделать следующие выводы. Разделение вины, мотивов и целей позволяет определить психологическое содержание каждого из признаков и дать их юридическую характеристику, то есть оно вызвано объективными потребностями теории уголовного права. Соответственно, не следует отказываться от признания их самостоятельными признаками субъективной стороны.

Деление же субъективной стороны на обязательный признак – вину и факультативные – мотивы и цели является условным, не имеющим теоретического обоснования, искусственно сужающим их содержание. Невозможно преувеличить доказательственное значение мотивов и целей для установления вины, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности. Следовательно, отрицание их неразрывной связи и обязательности для установления в каждом составе преступления, на наш взгляд, не соответствует потребностям судебно-следственной практики.

Остальные, перечисленные в статьях Уголовного кодекса РФ психологические характеристики: заведомость, эмоции, добровольность, вынужденность, неожиданность, побуждения, – имеют полное право входить в предмет рассмотрения теории уголовного права как факультативные признаки субъективной стороны, обязательные для установления лишь в ограниченном числе составов преступления.

Литература

1. Ворошилин Е.В., Кригер Г.А. Субъективная сторона преступления: учебное пособие. М.: Изд-во Московского ун-та, 1987.

2. Дагель П.С. Теоретические основы установления вины: учебное пособие / Науч. ред. И.М. Резниченко. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1975.

3. Рарог А.И. Вина в советском уголовном праве / Науч. ред. Б.В. Здравомыслов. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1987.

4. Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: практическое пособие. М.: ТК Велби, Проспект, 2008.

5. Векленко С.В. Виновное вменение в уголовном праве: Дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2003.

6. Манойлова С.А. Эмоции в уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005.

7. Симонова Е.А. Вина в уголовном праве и законодательстве России: Сб. науч. тр. «Современные разновидности российской и мировой преступности: состояние, тенденции, возможности и перспективы противодействия» / Под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов: Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции «Сателлит», 2005.

8. Кудрявцев В.Н. Борьба мотивов в преступном поведении. М.: Норма, 2007.

© Бюллетень магистранта 2020 год № 1